
Осень. Терраса всех небожителей

Прямо под террасой раскинулась огромная арена состязаний. Вокруг помоста бурлило многотысячное людское море — ученики великих орденов съехались со всех концов Поднебесной. Специально для них главы бессмертных сект составили Список десяти святых — небесный рейтинг, в который могли войти лишь лучшие представители молодого поколения.

Возраст участников не должен был превышать ста лет от начала их пути бессмертия. Различий между праведными заклинателями, демоническими или буддийскими монахами устроители не делали: соблюдай правила, не лишай противника жизни — и у тебя появится шанс вписать свое имя в небесный рейтинг.

В небесах кружили заклинатели, управляя мечами через концентрацию духа; по земле стройными рядами ступали сотни скакунов в золотой упряжи. Людское море гудело, поражая воображение своим размахом. Алая киноварь, глубокий индиго, чистый изумруд, сусальное золото, густой пурпур и серебристо-белый — цвета шести великих орденов пестрели повсюду. Те, что носили серебристо-белые одежды, принадлежали к секте Цинсяо-цзун.

Цюй Цинъюэ сидел верхом на белом коне, спиной к своим ученикам. Слегка приподняв подбородок, он всматривался вдаль, туда, где на почетном месте Террасы всех небожителей восседал Почтенный Хуачэнь. В те годы Пэй Таньцзы еще не поседел — его смоляные волосы ниспадали на плечи, но он уже тогда казался высокомерным и холодным небожителем, окутанным сиянием лунного света.

И стоило этому холодному взору коснуться Цюй Цинъюэ, как тот мгновенно понял немой приказ. Он уже собирался повести учеников к их местам, как вдруг краем глаза заметил, что его спутник, стоявший бок о бок с ним, даже не шелохнулся.

Лян Сюань был облачен в белоснежные, словно свежий снег, одежды. На фоне бледной кожи его смоляные волосы и густые ресницы казались темнее воронова крыла. Три вещи делали его невероятно притягательным. Первая — его лицо: с какого ракурса ни взгляни, оно казалось безупречным, лишенным малейшего изъяна. Вторая — окутывавший его с ног до головы холод, рождавший непреодолимую дистанцию. Одно его присутствие подавляло. И третья — сквозившее в каждом движении благородство, горделивая осанка. Казалось, он воплотил в себе всю изысканность ускользающей красоты, а его мастерство владения мечом было недостижимо.

— Младший брат, ты не идешь? — спросил Цюй Цинъюэ, наклоняясь с седла. — Я-то думал, ты решишь лететь на мече, потому и не подготовил для тебя лошадь. А ты...

Белоснежные одежды Лян Сюаня развевались на ветру, но сам он стоял с пустыми руками. Он не взял даже свой верный меч Цзихуа.

Лян Сюань стоял, заложив руки за спину. Одно его присутствие приковывало взгляды. Игнорируя чужое восхищение и почтение, он равнодушно отозвался:

— Давно в седле не сидел, все навыки растерял. Вчера попробовал прокатиться на пике Чанлэ, так сегодня еле живой проснулся.

— А как же Цзихуа? — удивился Цюй Цинъюэ.

— Я еще не освоил полет, — пожал плечами Лян Сюань. — Зачем мне таскать его вхолостую?

— До сих пор не выучил? — Цюй Цинъюэ лишился дара речи.

Обычно заклинатели начинают практиковать полеты на мече сразу по достижении Возведения Фундамента. Его младший брат уже сформировал Золотое Ядро, но так и не удосужился взяться за эту технику.

— Значит, время еще не пришло. Чему суждено случиться, случится, а остальное и силой не удержишь, — Лян Сюань с глубокомысленным видом погладил воображаемую бороду, подражая умудренным старцам. — Насильно мил не будешь, даже если речь о мече.

— Скажешь тоже, — рассмеялся Цюй Цинъюэ. — Говоришь о клинке как о живом человеке.

Словом, у Лян Сюаня не было ни коня, ни меча. Он не мог взмыть к Террасе всех небожителей, как не мог и торжественно въехать на арену. Когда Цюй Цинъюэ предложил подвезти его, Лян Сюань вежливо отказался, пояснив, что кого-то ждет.

На вопрос шисюна о том, кто этот таинственный гость, Лян Сюань ответил, что это обычный младший ученик их секты Цинсяо-цзун, с которым они познакомились совсем недавно. Ни выдающейся внешностью, ни сильной культивацией тот не отличался, так что Цюй Цинъюэ вряд ли его помнил.

Цюй Цинъюэ нашел это странным, но расспрашивать не стал. Напоследок он велел младшему брату поторопиться и добавил, что если тот никого не дождет, пусть свяжется с ним через рыбу-передатчик духов — тогда он вернется за ним.

В те времена Лян Сюань еще любил напускать на себя загадочный вид, поэтому лишь небрежно хмыкнул в ответ и замолчал.

Цюй Цинъюэ окинул его долгим взглядом, развернул коня и пришпорил его. Но едва его скакун успел сделать несколько шагов, как позади раздался частый перестук копыт и громкий, ошарашенный возглас:

— Охренеть!

Сердце Цюй Цинъюэ пропустило удар. Он резко натянул поводья и обернулся. Позади юноша в черном одеянии верхом на статном сером в яблоках коне подхватил Лян Сюаня за руку и единым махом затащил в седло позади себя. Белый шелк взметнулся облаком. Всадник с силой хлестнул коня, тот заливисто заржал, и мимо Цюй Цинъюэ вихрем пронесся красивый юношеский профиль.

Все произошло слишком быстро. Цюй Цинъюэ успел лишь мельком разглядеть черты лица незнакомца. Но даже этого мимолетного взгляда хватило, чтобы понять: юноша был поразительно красив. Столь яркую внешность невозможно не заметить в толпе. А ведь его младший брат уверял, что тот выглядит посредственно...

Но вот в одном Лян Сюань не соврал — Цюй Цинъюэ действительно никогда раньше не видел этого юношу. Что само по себе было довольно странно.

Лян Сюаня умыкнули прямо на скаку. Син И гнал лошадь во весь опор; его длинные ноги плотно сжимали бока скакуна, а мимо них сумасшедшим вихрем проносились деревья.

Лян Сюань все еще пребывал в полнейшем недоумении, как вдруг почувствовал, что чужое плечо тяжело навалилось на его собственное, а талию крепко стиснули сзади. Скосив глаза, он обнаружил, что этот наглец левой рукой беззастенчиво обнимает его за бок, правой держит поводья, а подбородок преспокойно устроил на его плече.

С этого расстояния можно было во всех деталях рассмотреть точеный профиль Син И — от линии челюсти до самого уха.

Пока Лян Сюань витал в облаках, Син И внезапно приник к его шее и ощутимо укусил. От резкой боли Лян Сюань мигом пришел в себя. Он уже замахнулся, чтобы отвесить наглецу полновесную затрещину, но Син И перехватил его запястье одной рукой и прижал к животу.

— Тише, тише, мы же на бешеной скорости летим! — весело шепнул Син И. — Если ты меня сейчас ударишь, мы оба шеи свернем.

— Зато осень — прекрасная пора для похорон, — процедил Лян Сюань, безуспешно пытаясь высвободить запястье, намертво зажатое у самого живота. — Ну же, колись, какую смерть предпочитаешь?

Син И усмехнулся. Прикрыв веки, он прижался губами к самому уху Лян Сюаня и вкрадчиво, с хрипылыми нотками прошептал:

— Я бы предпочел умереть в твоей постели.

«Ну надо же, мелкий ублюдок откровенно пошлит!»

С тех пор как Син И научился полностью скрывать свою демоническую энергию, прошло пять лет. Тогда он казался угловатым четырнадцатилетним подростком, но теперь былая нескладность бесследно исчезла. Он заметно раздался в плечах и возмужал — на вид ему можно было дать все восемнадцать.

«Ишь ты, щенок. Решил меня соблазнить?»

— Сам напросился, — хмыкнул Лян Сюань. — Ночью я устрою тебе сладкую жизнь. И даже не думай ныть, пощады не дождешься...

Договорить ему не дали. Син И внезапно впился зубами в его мочку уха. Цвет его глаз из пепельно-серого плавно перетек в голодный, кроваво-красный. Он облизал нежную кожу, заигрывая и покусывая ее, а в конце присосался так, что Лян Сюань шумно выдохнул.

— Спасибо за угощение, — тихо рассмеялся Син И. — До вечера.

Лян Сюань опешил. От такого нахальства он взъерошился, точно рассерженный кот, и уже приготовился высказать наглецу все, что о нем думает. Но стоило ему приоткрыть рот, как пальцы Син И крепко сжали его подбородок. Юноша прикрыл глаза и бесцеремонно накрыл его губы своими, прерывая любую попытку возразить на корню.

Это был долгий, глубокий и безумный поцелуй. Прямо на скачущей во весь опор лошади. Одно неловкое движение — и оба бы полетели кувырком.

«Черт... а ведь в этом что-то есть».

Когда они наконец примчались к арене состязаний, Син И буквально стащил Лян Сюаня с седла, крепко обхватив его за талию. Едва коснувшись ногами земли, Лян Сюань пошатнулся — голова шла кругом, — но Син И тут же подхватил его, не давая упасть.

Еще на ходу, отчаянно пытаясь глотнуть воздуха во время безумного поцелуя, Лян Сюань исхитрился и до крови прокусил парню губу. Однако тот лишь на пару секунд отпрянул, а затем с новой силой притянул его к себе, впиваясь в губы еще яростнее. Густые, похожие на веера ресницы Син И подрагивали, скрывая темную бурю, бушующую в его глазах.

Впрочем, характер у Лян Сюаня был жесткий, упрямый, так что устраивать сцен он не стал. Лишь застыл на мгновение в легком оцепенении.

Цюй Цинъюэ и остальные давно заняли свои места. Заметив знакомую белую фигуру, шисюн поднялся со своего места и пошел навстречу. Сначала он подозрительно окинул взглядом довольного Син И в черных одеждах, а затем перевел взор на слегка ошавевшего Лян Сюаня:

— Шиди, ты в порядке? Лица на тебе нет.

— Все в норме, — Лян Сюань поспешно опустил руку, стараясь не замечать саднящую нижнюю губу. — Просто немного волнуюсь перед началом боев за Список небесных испытаний.

Син И удивленно приподнял бровь и с ехидной усмешкой вставил:

— Но ты ведь сам говорил, что все участники этого турнира — сплошь недоумки и тебе на один зуб. С чего вдруг мандраж?

«Паршивый пес! Мало того, что облапал меня, так еще и глумишься?»

Лян Сюань со всей силы заехал ему локтем под дых. Син И тут же согнулся пополам, уставившись на него обиженным взглядом побитой собаки, и прохрипел что-то вроде: «Ну и жестокий же ты мужчина!» Лян Сюань же оставался холоден как лед. Смерив наглеца убийственным взглядом, он процедил:

— До ночи ты точно не доживешь. Обещаю.

Места для рядовых учеников и преемников глав сект находились в разных секторах, так что Син И не мог пойти следом.

Убрав ладонь от живота, юноша проводил удаляющуюся белую фигуру нежной улыбкой.

«А Сюань-Сюань забавный. И до безумия милый, когда злится. Вообще-то я собирался прикончить его, как только смогу вернуть человеческий облик. Но он оказался совсем не похож на того Лян Ланьина, которого я знал. Превзошел все мои ожидания... Такой особенный. Мне вдруг расхотелось его убивать».

Глаза Син И опасно сверкнули, а на губах заиграла плотоядная улыбка — в груди вскипало темное возбуждение.

Но стоило ему закинуть руку на плечо проходящего мимо ученика, как его лицо мгновенно приняло выражение абсолютной невинности.

— Брат-заклинатель, я тут немного заблудился, — кротко обратился он к нему. — Не подскажешь, как пройти к местам для обычных учеников?

Как и подметил Син И, Лян Сюань действительно ни в грош не ставил соперников по турниру и не принимал близко к сердцу борьбу за Список десяти святых. Согласно оригинальному сюжету романа, Лян Ланьин занимал в нем последнее, десятое место — еще один шаг, и он вовсе вылетел бы из рейтинга.

Раз уж финал был предreshен, он намеревался просто отбыть номер на арене, особо не усердствуя, чтобы не нарушать канонический ход событий.

К тому же этот рейтинг десяти святых, хоть и звучал пафосно, на деле являлся лишь песочницей для молодежи. Истинные монстры вроде Почтенного Хуачэня или других старых мастеров, перешагнувших рубеж Зарождающейся Души и вековой возраст, в этих состязаниях участия не принимали.

«Будь моя воля, я бы и близко не подошел к этому клоунскому списку. Чистой воды ребячество, глупость и дикий стыд. Тот, кто займет первое место, автоматически станет главным шутком Поднебесной. Без вариантов».

К несчастью для него, Лян Ланьину в этом году едва исполнилось двадцать семь, так что отвертеться от участия в турнире он не мог при всем желании.

В романе «Путь бессмертия» первая десятка святых выглядела следующим образом: Лу Могуй, Тай Сюй, Юань Цяньчао, Гу Юньцзюэ, Гу Фаньинь, Бай Цзю, Тан Ци, Цюй Цинъюэ, Сыту Чэ и Лян Ланьин.

«Номер один — главный злодей романа.

Номер два — лысый монах, который в оригинале умудрился знатно отделать этого босса.

Номер три — будущий владыка демонического культа... кхм, то есть будущий лидер секты Сюаньюй.

Номер четыре — закадычный бро главного героя и по совместительству старший брат героини.

Номер пять — сама главная героиня, женушка нашего протагониста.

Номер шесть и семь — две пернатые твари, способные одним взмахом крыла стереть человека в порошок.

Номер восемь — мой дорогой шисюн, чье мастерство владения мечом было бы непревзойденным, не страдай он от врожденной хвори.

Номер девять — манерный хлыщ сомнительного вида, зато гениальный алхимик и лекар».

«Ну а я — всего лишь скромный, тихий статист на заднем плане. Маленький, бедный и беззащитный. Так что, господа великие, когда устроите тут смертоубийство, сделайте милость, не впутывайте в это вашего покорного слугу».

Делать нечего, пришлось примириться с судьбой. В первый день испытаний противником Лян Сюаня оказался Сыту Чэ. Лян Сюань даже поленился взять с собой оружие: он просто вышел на помост и встал, заложив руки за спину, покорно ожидая, когда соперник легким пинком отправит его на землю.

Однако стоило ему выйти, как Сыту Чэ впал в ступор от его высокомерного вида. Вдобавок из толпы на несчастного алхимика устремился чей-то жуткий, пронизанный чистой злобой взгляд, буквально вопивший: «Только попробуй его тронуть — и я проделаю в тебе сотню лишних дыр». Сыту Чэ почувствовал себя так, словно ему в спину уперлось острое клинка, и мгновенно покрылся холодным потом.

Простояв посреди арены состязаний добрых две минуты, Сыту Чэ вскинул руки вверх:

— Я сдаюсь!

Лян Сюань, который и пальцем не пошевелил:

—...

Вот так, без единого удара, он прошел в следующий тур. Второй бой назначили на следующий день. Накануне ночью Лян Сюань, устав от назойливых домогательств Син И, устроил с ним самую настоящую потасовку.

— Ты настолько слаб или это я слишком тверд для тебя? — с каменным лицом спросил Син И.

— Не смей меня соблазнять, — Лян Сюань предостерегающе ткнул в него пальцем. — Боюсь, я не рассчитаю сил и сделаю тебе больно.

Син И лишь многозначительно промолчал, едва сдерживая дикий хохот.

В конце концов Лян Сюань просто огрел наглеца рукоятью по лбу. До постели дело, разумеется, так и не дошло.

Наутро Лян Сюань проснулся ни свет ни заря. Пребывая в полусонном состоянии, он источал волны такой неприкрытой злобы, что на арене состязаний едва не прирезал собственного шисяна.

Когда дурман сна окончательно выветрился, Лян Сюань поспешил принести Цюй Цинъюэ самые искренние извинения. Тот, впрочем, ничуть не обиделся. Он лишь предложил Пэй Таньцзы перенести оставшиеся бои на вторую половину дня, и Почтенный Хуачэнь милостиво согласился.

А вот Тан Ци и Бай Цзю так и напрашивались на неприятности. Издевательски выкрикивая имя «Лян Ланъин», они так и брызгали желчью:

— Твоему везению можно только позавидовать! Какая честь для тебя — подняться до восьмого места и выйти против нас! Мы, конечно, проявим великодушие и пощадим твою смазливую шкурку, так что не нужно падать на колени и слезно умолять о пощаде...

Одним словом — несносные, наглые твари, так и вымаливающие хорошую порку.

В конце концов Лян Сюань не выдержал и с чистой совестью закатил им грандиозную трепку.

Оригинальный сюжет давно сорвался с цепи и умчался в неизвестном направлении. Раз уж события пошли наперекосяк, Лян Сюань решил взяться за дело всерьез. Тем более что перед самым началом поединка Гу Фаньинь негромко произнесла:

— Прошу, бейся в полную силу. Прояви ко мне уважение.

Выложиться без остатка — вот в чем заключалось истинное почтение к сопернику.

Один стремительный, ослепительный выпад, поразивший всех присутствующих, — и имя Святого Меча навеки запечатлелось в небесном списке.

<http://bllate.org/book/18178/1752929>